

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83

УДК: 323.23; 329.7

«МОЯ РАБОТА – ПОСТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ И СЛОМАТЬ ЗАВЕДЕННЫЙ ПОРЯДОК»

Интервью с профессиональным мятежником

Солом Алинским¹

Часть 1

Аннотация

Американский социотехник Сол Алинский (1909–1972) получил известность в США и за их пределами как идеолог, практик, тренер и создатель профессии по организации людей для совместных действий. У него тысячи учеников и последователей, включая бывшего американского президента Барака Обаму и членов его администрации. Технология организации Алинского применяется сейчас политическими лидерами практически всех идеологических ориентаций. Книги Алинского стали настольными для людей этой новой профессии, однако они до сих пор неизвестны в России. Публикуемый материал – перевод интервью с Алинским, взятым журналом Playboy в 1972 г., после того как его книга «Правила для радикалов» стала бестселлером номер один. Корреспондент Эрик Норден спрашивает Алинского об истории социальных экспериментов, основных правилах и техниках организации людей, о профессиональных планах Алинского на ближайшее будущее.

Ключевые слова: Алинский, США, организация людей, социальные движения, самоуправление, социальный организатор, сообщество.

Библиографическое описание для цитирования:

Алинский С. «Моя работа – поставить под сомнение и сломать заведенный порядок»: интервью с профессиональным мятежником Солом Алинским. Ч. 1 // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 52–83. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83.

Предисловие переводчика

Американский социотехник² Сол Алинский (1909–1972) получил известность в США и за их пределами как идеолог, практик и создатель профессии по организации людей для совместных действий. «Соорганиза-

¹ Перевод Ирины Жежко-Браун.

² Социотехника (социология + техника) – наука о способах и технике сознательного воздействия на социальную действительность: правовую систему, воспитание, организацию власти и другие ее области.

ция», пожалуй, самое близкое по смыслу к английскому словосочетанию *social organizing* слово в русском языке, которым мы и будем дальше пользоваться.

Существует мнение, что методы соорганизации людей, изобретенные Алинским, используются в США только левыми радикалами, однако оно далеко от истины. Технология соорганизации Алинского применяется сейчас общественными лидерами практически всех политических и идеологических ориентаций. В последние десять лет издано более дюжины книг, которые рассказывают, как тактики Алинского были приспособлены для того или иного социального движения. Достаточно сказать, что два идеологически противоположных американских движения, консервативное движение среднего класса Tea Party и леворадикальное движение Trump Resistance, построены на сходной технологии соорганизации – модели Алинского, адаптированной для нового времени. Можно обоснованно утверждать, что большинство современных социальных движений в США и других странах организовано с применением тактик и правил Алинского.

Движения, использующие наследие Алинского, не слепо копируют его методы работы, а скорее критически перерабатывают в соответствии с собственными этическими нормами и целями, а также особенностями контингента, с которым они работают. Они также соединяют их с новыми достижениями в области сетевых и информационных технологий. Новые движения отказываются от некоторых сомнительных в моральном отношении приемов Алинского, однако используют все ценное, что есть в его опыте. Более подробно об истории социальных экспериментов Алинского можно прочесть в моей книге «Современная американская революция: социальные технологии и динамика» [1].

Алинский издал две книги о своем опыте соорганизации людей [2, 3]. Обе книги стали настольными для людей этой новой профессии. Казалось бы, кому могут быть интересны и полезны сегодня идеи и опыт более чем полувековой давности? Но нет, у Алинского тысячи последователей в США и по всему миру, включая бывшего американского президента Барака Обаму и членов его администрации.

Самой известная книга Алинского, «Правила для радикала», стала бестселлером номер один в год ее издания – в 1971 г. Лучшему ее пониманию поможет знакомство с интервью, взятым у Алинского журналом Playboy через полгода после выхода книги. Пусть читателя не вводит в заблуждение название журнала – интервью получилось очень глубоким и более откровенным, чем сама книга. На волне большого успеха Алинский делает признания, которых нет в его двух книгах. Конечно, Алинский, будучи социальным организатором, формирует в интервью то мнение о себе, кото-

рое ему было выгодно на тот момент. Кроме того, он рассказывает о своей деятельности конца 1930-х гг., т. е. почти сорок лет спустя с начала своей карьеры, и многие его взгляды и цели к 1972 г. существенно изменились.

Это интервью интересно также тем, что разговор идет о последнем этапе деятельности Алинского. Большую часть своей карьеры он посвятил работе с людьми из низших классов и деклассированных элементов, и только в конце 1960-х обратил свое внимание на средний класс Америки. Хотя сам Алинский к этому времени уже давно принадлежал к высшей страте среднего класса, он практически не имел опыта работы с людьми своего класса. Интервью дает возможность узнать, вокруг каких лозунгов и целей он собирался это делать, какие технологии и тактики собирался применять.

Знаменитые тринадцать правил и тактик из его книги «Правила для радикала» проиллюстрированы в этом тексте живыми примерами. Многие тактики Алинского, следуя Бахтину, можно отнести к смеховой или карнавальной культуре, т. е. культуре «низа», материально-телесному началу жизни. Эти радикальные «карнавальные» тактики социального действия мало соответствовали моральным взглядам и эстетическим вкусам среднего класса. Алинский понимал это и был на пороге изобретения новых тактик и принципов. Ирония нового поворота в его деятельности заключается в том, что все предыдущие годы он сражался со средним классом как частью класса *имущих* и предлагал решать большинство проблем бедных за счет налогов, собираемых со среднего и высшего классов.

Есть и еще одна причина, по которой интервью Алинского может представлять интерес для русского читателя. Угрозе «экспорта революций» посвящены десятки, если не сотни работ в России, и все же угол анализа технологий революций и общественных движений в них остается крайне узким. Многие пишущие на тему экспорта революций гордо называют себя «антиреволюционерами», «консерваторами» и даже «реакционерами»; они озабочены тем, как *предотвратить* возникновение каких-либо массовых стихийных движений, а не тем, как их *организовать*. Пусть читатель простит мне такое сравнение, но это все равно, что пытаться узнать о секретах секса из книг о способах предохранения от беременности. Многочисленные «антиреволюционные» книги не помогают узнать, как стимулировать, по выражению Л. Бляхера, «самодетельный образ жизни», как запускать процессы самоорганизации общественных движений, приносящих пользу обществу, например, движение за возрождение умирающих деревень или организацию самоуправления на экономически депрессивных территориях.

Книги Алинского не опубликованы в России, хотя влияние его наследия на общественное движение во всем мире намного больше, чем, напри-

мер, другого социотехника, Джина Шарпа, уже известного русскому читателю. В русской части Интернета можно найти лишь отдельные фрагменты книг Сола Алинского. Это – первая его публикация на русском языке. Мы перевели интервью с небольшими сокращениями, сохранив все, что относится к искусству соорганизации. Весь текст разбит на две части. Первая включает предисловие журнала Playboy и рассказ Алинского о его подходе к соорганизации среднего класса и о том, как он стал профессиональным социальным технологом. Вторая часть будет опубликована в декабрьском номере журнала «Идеи и идеалы» (№ 4 за 2018 г).

Ирина Жезко-Браун.

Предисловие журнала Playboy

Последние 35 лет американский истеблишмент находится под непрерывной атакой со стороны очкастого, консервативно одетого организатора, который выглядит как бухгалтер, а выражается как портовый грузчик. Как писала Нью-Йорк Таймс, «Алинского ненавидят и боятся по всей Америке от одного побережья до другого» как «основную движущую силу революции беднейших слоев населения – более того, он начинает существовать как движение сам по себе». Журнал Time заметил, что «трудно оспорить тот факт, что американская демократия изменилась под влиянием идей Алинского».

Алинский создал себе много врагов в течение почти четырех десятилетий его деятельности по соорганизации бедных для участия в радикальных общественных движениях, однако заслужил и уважение со стороны многих известных людей – совсем неплохая репутация для уроженца трущоб южной окраины Чикаго. После окончания Чикагского университета в середине 1930-х гг. Алинский начал подрабатывать в качестве организатора в Конгрессе производственных организаций³ – довольно радикальной Федерации профсоюзов. В 1939 г. он отошел от активного участия в рабочем движении и принял на себя роль организатора соседских общин (community organizer), начав работу на Задворках, на окраине мясоперерабатывающих предприятий в чикагских трущобах. Его усилия превратить молчаливое недовольство разрозненных жителей этого района в организованный протест нашли положительный отклик со стороны губернатора штата Иллинойс Адлая Е. Стивенсона, который сказал, что цели Алинского «очень точно отражают наши идеалы братских чувств, терпимости, благотворительности и достоинства каждого отдельного индивида». В 1940 г. Алинский добился щедрого пожертвования от либерального миллионера Маршала Филда Третьего, который создал для него фонд «Индустриаль-

³ The Congress of Industrial Organizations (CIO) – Федерация производственных профсоюзов (1935–1955).

ные районы» (Industrial Areas Foundation (IAF)), который стал базой последующих социальных экспериментов Алинского. В последующем при финансовой поддержке Филда Алинский повторил свой успех в ряде трущобных районов Америки – от Канзаса и Детройта до пригородов южной Калифорнии. В 1950-х он перенес свое внимание на черные гетто и опять начал с Чикаго. Его действия очень быстро вызвали недовольство мэра Ричарда Дж. Дали⁴, который хотя и возражал против методов Алинского, но признавал, что «Алинский любит Чикаго в той же мере, что и я».

После успехов в штате Нью-Йорк и в дюжине других мест он приехал в Окленд (Калифорния) по приглашению пресвитерианских церквей для организации борьбы в черных гетто. Узнав о его планах, перепуганный совет города немедленно принял резолюцию, запрещающую его въезд в город, с дополнительным пунктом, в котором предлагалось послать Алинскому веревку длиной в 15 метров, чтобы он на ней повесился. Алинский ответил тем, что послал совету ящик с детскими подгузниками. Когда полиция Окленда объявила, что арестует его, если он пересечет границу города, он перешел мост, ведущий в город, в сопровождении группы репортеров и телевизионных операторов, вооруженный только свидетельством о рождении и американским паспортом. «Приветствующий комитет Оклендской полиции выглядел довольно глупо», – с удовольствием вспоминает Алинский. Оклендские власти были вынуждены отступить, и Алинский основал местную организацию черного населения по борьбе с истеблишментом.

К концу шестидесятых Алинский передал работу на местах своим ученикам, а сам сконцентрировался на подготовке социальных организаторов в институте под эгидой IAF, который он назвал «школой профессиональных радикалов». Поддерживаемая грантом сети автомобильного сервиса Midas Muffler школа ставила целью подготовку 25-ти организаторов в год для работы в «белых» и «черных» районах по всей Америке. «Только представьте, сколько мы успели натворить с помощью четырех или пяти профессиональных организаторов по всей стране, – сказал Алинский репортерам на открытии учебного года. – С новыми силами все задвигается гораздо быстрее». Его последующий успех как радикального организатора действительно вырос, если мерять его уровнем оппозиции и раздражения, которые он вызывал у охранителей существующих порядков. Один консервативный религиозный журнал написал, что «невозможно одновременно следовать Иисусу Христу и Солу Алинскому». Деловой журнал Barron's пошел еще дальше и обвинил Алинского в связях с коммунистами.

Пожалуй, только один продукт его деятельности вызвал почти единодушную положительную оценку – его книга «Правила для радикалов» [3].

⁴ Richard J. Dalley – мэр города Чикаго в 1955–1976 гг.

Она получила восторженные рецензии практически во всех газетах и журналах, где ей уделили внимание. Его реакция на довольно непривычные для него похвалы была скептической: «Не беспокойтесь, ребята, мы переживем шторм похвал, и нас будут ненавидеть так же, как прежде». Утешением для Алинского было то, что, по крайней мере, в его собственном городе реакция на книгу была враждебной. The Chicago Tribune высказалась так: «Вероятно, расчесывание ран недовольства доставляет ему удовольствие, однако мы не можем рассматривать это как вклад в социальное совершенствование. В стране достаточно нерешенных проблем и без создания новых только ради того, чтобы Алинский развлекал себя». На это Алинский ответил так: «Истеблишмент может примириться с тем, чтобы его разделили под орех, но не с тем, чтобы над ним смеялись. Их раздражает во мне то, что, в отличие от унылых радикалов, я получаю удовольствие от того, что делаю».

Чтобы узнать больше о том, почему Алинский делает то, что он делает, и понять сложности, с которыми он сталкивается как публичный человек, журнал «Плэйбой» поручил Эрику Нордену провести с ним интервью. Как оказалось, задача была непростой: «Проблема была в том, что расписание Алинского было таким напряженным, что могло бы утомить даже профессионального атлета, однако он, похоже, только наслаждался им⁵. Я сопровождал его с восточного побережья США на западное, а затем в Канаду, урывками записывая наши беседы в самолетах, автомобилях и аэропортах, в промежутках между стратегическими сессиями с местными организаторами, которые больше напоминали военные бриффинги, чем неформальную беседу. Моя первая встреча с ним была в VIP-зале международной авиакомпании TWA в чикагском аэропорту. На нем был голубой блейзер и оксфордская рубашка с черным галстуком; вместо приветствия он заказал скотч со льдом. Его голос был ровным и скрипучим, и его легче представить выкручивающим руки, чтобы выиграть контракт в магазине одежды Garment District, чем организующим жителей гетто. По мере того, как мы путешествовали вместе, я постепенно узнавал его. Он действительно весьма оригинальный человек! Чего стоит его заявление стюардессе: «Будьте добры, передайте главному пилоту, что мне дела нет до скорости ветра, и попросите его держать язык за зубами, чтобы мы могли поработать».

Нэт Хентоф⁶ написал в прошлом году: «В свои 62 года Сол – самый молодой человек из всех, кого я когда-либо встречал», и я теперь понимаю, что он имел в виду. Алинский обладает поразительной витальностью неукротимого, воинственного самца и всепоглощающим любопыт-

⁵ Алинский переоценил свое здоровье. Через два месяца после публикации этого интервью он умер от сердечного приступа в возрасте 63 лет (прим. переводчика).

⁶ Nat Hentoff – колумнист журнала The Village Voice.

ством относительно всего и всех вокруг него. Добавьте к этому острый ум, монументальное эго, совмещенное с его способностью смеяться над собой и всем миром, и вы начнете понимать масштаб этого человека. «И все же поздно вечером в мотеле аэропорта штата Милоуки его лицо было серым, изможденным, когда он смывал под душем ношу дня: три города, два выступления, бесконечные пресс-конференции и стратегические сессии. Какая-то неясная печаль окружила его ночью. Вдруг рухнул какой-то внутренний барьер, и он начал говорить – не для записи – о людях, которых он любил и которые умерли. Их было много, и они становились ближе к нему в мотеле, где он провел эту ночь с кондиционером, включенным на всю мощность, чтобы заглушить рокот самолетов. Он говорил в течение часа, затем внезапно замолчал на минуту, потом встал на ноги и направился к двери, сказав: “Мы уделаем их завтра!”. Гонка началась опять».

«Внутри среднего класса Америки зреет вторая революция» – интервью с Солом Алинским

Playboy. Мобилизация среднего класса Америки выглядит как отход от того, что вы делали раньше, а именно от работы с бедняками, черными и белыми, живущими в трущобах. Ожидаете ли Вы, что предместья окажутся плодородной почвой для Вашего организационного таланта?

Алинский. Да, это будет наиболее трудной кампанией в моей карьере, и ставки в ней очень высоки. Имей в виду, что люди все равно люди, живут ли они в гетто, в резервации или в предместье; пригороды – это тоже своего рода резервация, «позолоченное гетто». Я понял недавно, что любое позитивное действие, направленное на радикальное изменение, должно быть сфокусировано на белый средний класс по простой причине – именно здесь находится реальная сила (власть)⁷. Сегодня средний класс составляет три четверти населения страны, он является силой благодаря своему реальному уровню оплаты труда и/или его ценностной идентификации. Возьми, к примеру, самый низший слой среднего класса: синих воротничков и людей в рабочих касках, зарабатывающих от пяти до десяти тысяч долларов в год, людей, которые вовсе не считают себя бедными или низшим классом и которые поддерживают основной этос среднего класса, причем даже более ревностно, чем его более богатая часть. В первый раз в истории мы имеем страну, в которой бедные

⁷ Сила и власть переводятся на английский одним и тем же словом – power. «Сила» и «власть» постоянно трансформируются друг в друга в учении Алинского, происходит своего рода обмен валют: сила обменивается на власть – от городских властей до поста президента. Движения используют свою силу (численность и денежные фонды), чтобы провести своих кандидатов во власть на всех уровнях, что закончилось избранием (приходом во власть) социального организатора Барака Обамы в президенты. В работах Алинского это слово применяется в обоих его значениях (прим. переводчика).

являются меньшинством, где большинство не голодает, а выбирает себе подходящую диету.

Боже, если бы нам удалось организовать все эксплуатируемые низкооплачиваемые группы – всех черных, мексиканцев, пуэрториканцев, бедных белых и затем с помощью своего рода организационного чуда связать их всех вместе – что бы мы могли совершить? По наиболее оптимистичной оценке это составит около 55 млн из 225 млн населения, т. е. на данный момент средний класс является преобладающим большинством⁸. Это то самое «молчаливое большинство», которое наш великий греческий философ в Вашингтоне старается возбудить⁹. Именно здесь есть главный шанс, и будущее страны зависит от него в следующие 50 лет¹⁰. Если мы уступим и позволим среднему классу следовать курсу Агню и Никсона без сопротивления, то вы можете считать игру сыгранной. Однако они еще доступны для нас – и мы собираемся их захватить.

Playboy. Тезис администрации Никсона о молчаливом большинстве построен на предположении о том, что средний класс по своей природе консервативен. Как даже наиболее изощренная организационная тактика может объединить средний класс вокруг Ваших радикальных целей?

Алинский. Консервативен? Какая чушь. Сейчас люди из среднего класса на перепутье. Но в ближайшие годы они могут пойти – и пойдут – в одном из двух направлений: либо в сторону собственного американского фашизма, либо в сторону радикального социального изменения. Сейчас они апатичны, их образ жизни Генри Торо назвал «жизнью в состоянии тихого отчаяния». Они подавлены налогами и инфляцией, отравлены загрязнением окружающей среды, напуганы новой молодежной культурой, сбиты с толку компьютеризированным миром вокруг них. Они работали всю свою жизнь, чтобы иметь маленький домик в пригороде, цветной телевизор, два автомобиля, а сейчас вся их хорошая жизнь обращается в прах. Их личная жизнь, как правило, пуста, их работа не удовлетворяет их, они сдались на милость транквилизаторов и обезболивающих средств, они тонут в своей тревожности и алкоголе, они чувствуют себя в западне своих неудачных браков или подавлены виной разводов. Они теряют своих детей и свои мечты. Они чувствуют себя отчужденными, безликими, отвергнутыми, потерявшими надежду, без возможности влияния на политические процессы. Их утопия статуса и обеспеченности превратилась в безвкусный пригород,

⁸ По сравнению с другими социальными группами. (прим. переводчика).

⁹ Этот термин первым ввел в массовый оборот американский президент Ричард Никсон. Он обратился в своей речи 1969 г. к людям, которые не выходят на демонстрации или протесты, или иначе, не вовлечены в публичную контркультуру (прим. переводчика).

¹⁰ Как раз на исходе этих пятидесяти лет средний класс начал свое политическое движение, в частности Tea Party, однако Алинский неверно предугадал цели и лозунги этого движения (прим. переводчика).

их двухэтажные дома проросли тюремными решетками и их разочарованность стала перманентной¹¹.

Они первыми начали жить в мире, полностью управляемом масс-медиа; каждый вечер они включают телевизор и новости приходят в их дом. Они видят неправдоподобный цинизм, ложь и откровенный идиотизм наших национальных лидеров, коррупцию и разрушение наших социальных институтов – от политических и судебных до Белого дома. На их глазах общество рушится, и они рассматривают себя как маленьких неудачников внутри большой неудачи. Все их старые ценности покинули их, лишая их компаса в море социального хаоса. Поверь мне, это хороший материал для организации.

Отчаяние уже здесь, сейчас самое время поскрести до крови их раны и побудить их к радикальному социальному действию. Мы дадим им способ участия в демократическом процессе, а также способ применения их прав как граждан. Мы выведем их из апатии и научим противостоять подавлению их образа жизни со стороны истеблишмента. Мы начнем с очень актуальных вопросов – налоги, работа, потребительские проблемы, загрязнение среды, и оттуда перейдем к более крупным проблемам: «загрязнению среды» в Пентагоне, Конгрессе и штаб-квартирах крупных корпораций. Как только ты организуешь людей, они будут двигаться вперед от одной проблемы к другой, чтобы прийти в конце концов к главной из них – к власти народа. Мы не только дадим им осмысленную цель; мы, черт возьми, сделаем их жизнь более волнующей: настоящую жизнь вместо существования. Мы зажжем их!

Playboy. Вы не опасаетесь, что они уже слышаны о «радикалах, дары приносящих»?

Алинский. Конечно, сначала они будут подозрительны и даже враждебны. Это было в любом сообществе, где мне приходилось работать. Мои критики правы, когда называют меня пришлым агитатором. Когда сообщество – любого вида сообщество – чувствует себя лишенным надежды и беспомощным, оно нуждается в ком-то извне, кто придет и потревожит осиное гнездо. Это моя работа – поставить под сомнение и сломать заведенный порядок, заставить всех задавать вопросы, научить их перестать разговаривать и начать действовать, так как сытые коты у власти никогда не слышат, пока им не дадут пинок под зад. Я не говорю, что это легко сделать: люди среднего класса крайне инертны, настроены на поиск безопасного и легкого пути, боятся раскачивать лодку. Однако они начинают понимать, что их лодка и так тонет, и если они не возьмутся ее спасать, они

¹¹ Ирония ситуации, описанной Алинским, состоит в том, что предыдущие тридцать лет он как раз организовывал бедных на борьбу со средним классом и решал большинство проблем бедных за счет налогов, собираемых со среднего класса. Алинский судит о ценностях «молчаливого большинства» по лозунгам левых движений 60-х (прим. переводчика).

все уйдут под воду. Средний класс сегодня шизоидный, его политические воззрения противоречат объективной ситуации. Инстинкт диктует людям среднего класса поддерживать статус кво и радоваться ему, но реальность их ежедневной жизни подталкивает их к мысли, что этот статус кво эксплуатирует и предаёт их.

Playboy. В каком смысле?

Алинский. Во всех смыслах: от налогов до загрязнения среды. Средний класс чувствует себя сегодня гораздо более деморализованным и растерянным, чем даже неимущие. И эта ситуация чревата как возможностями, так и опасностью. **Внутри среднего класса Америки зреет вторая революция – революция потерянных, испуганных и еще не нашедших публичного выражения своим чаяниям лидеров, нащупывающих возможные альтернативы на обретение надежды**¹² (выделено мною – прим. переводчика). Их страхи и разочарования по поводу собственной беспомощности могут превратиться в политическую паранойю и толкнуть их в сторону правых, делая их легкой добычей какого-нибудь всадника на коне, обещающего возврат утраченного рая. Движение правых укажет им на козлов отпущения – черных, хиппи, коммунистов, и если оно преуспеет, эта страна станет первым тоталитарным государством, национальный гимн которого прославляет «землю свободных и дом смелых». Мы не покинем поле битвы за средний класс без долгого и упорного сражения – сражения, которое мы собираемся выиграть, потому что мы покажем среднему классу его реальных врагов¹³ – корпоративную элиту, которая фактически правит страной и разрушает ее. Именно эта элита реально выигрывает от экономических реформ, которые проводит президент Никсон. А когда средний класс увидит этого врага, элите не поздоровится.

Playboy. В прошлом Вы фокусировали свое внимание на конкретных сообществах, где проблемы и их решения были вполне определенными. А сейчас замахиваетесь на организацию более 150 000 000 человек. Вас не беспокоит, что шансы против вас?

Алинский. Вы шутите? Я делаю это более 30 лет, и шансы никогда не волновали меня. На самом деле я всегда рассматривал сто против одного как равные шансы. Да, средний класс более аморфен, чем окраины южной Калифорнии, и мы собираемся организовывать его по всей стране, а не в одном городе. Однако правила те же самые. Вы начинаете с тем, что у вас есть, вы строите сообщество вокруг определенных проблем, а затем вы используете сформированную вами организацию как пример и как базу,

¹² Здесь Алинский прозорливо описал будущий электорат Барака Обамы в 2008 и 2012 гг., лозунгами которого были «Надежда и изменение» и «Изменение, в которое мы верим» (прим. переводчика).

¹³ Основной тактический принцип организации по Алинскому – мобилизация против общего врага (прим. переводчика).

чтобы работать с другими сообществами. Как только мы достигнем успеха (скажем, в Чикаго), мы перейдем в Цинцинати, или Бостон, или Дубьюк и скажем: «Вы видели, что мы сделали в Чикаго; давайте начнем делать это здесь». Как только мы достигнем начального успеха, процесс запускается и растет как снежный ком.

Это не получится легко, и, конечно, здесь есть элемент риска. Но что в жизни не связано с риском? Эйнштейн как-то сказал, что Бог не играл в рулетку, но он был не прав. Бог рискует все время, и иногда я думаю, что кости, которыми он играет, залиты свинцом (т. е. жульнические – прим. переводчика). Искусство организатора состоит во вмешательстве в действие. И поверь мне, в этот раз мы действительно сделаем этих выродков, мы ударим в их самое больное место. Знаешь, я смотрю на это как на кульминацию моей карьеры. Я в этой борьбе со времен Великой депрессии. В меня стреляли, меня били, сажали в тюрьму – они даже присуждали мне почетные ученые степени! – и в определенном смысле все это было подготовкой к этому этапу. Черт возьми, я люблю эту страну, и мы возьмем ее обратно! Я никогда не терял веру в это даже в самое тяжелое время, и уж точно не собираюсь делать это сейчас. Если повезет, то у меня есть еще десять продуктивных лет впереди. Я собираюсь использовать их для дела, которое для меня важнее всего.

Playboy. Как случилось, что Вы начали заниматься этой работой?

Алинский. Я начал организовывать людей в середине тридцатых, сначала для Конгресса производственных организаций, а потом сам по себе. Однако теперь я думаю, что я занимался бы тем же самым, даже если бы не было Великой депрессии. Я всегда по натуре был бунтарем, даже в детские годы. И бедность мне тоже хорошо знакома. Мои родители эмигрировали из России на рубеже XX века. Мы жили в одной из самых отвратительных трущоб в Чикаго; в таком гнилом месте, которое было хуже самого худшего, в самом низу общества, какой только можно представить. Мой отец начал как портной, затем он завел гастрономическую лавку и химчистку и постепенно дорос до того, что стал нанимать помощников. Какой бы бизнес у него ни был, мы всегда жили в подсобном помещении этого бизнеса. Я помню, в детстве моей самой большой мечтой было спокойно посидеть несколько минут в туалете, и чтобы никто не тарабанил в дверь и не говорил мне выкатываться оттуда потому, что туда хочет войти клиент. До сегодняшнего дня для меня является роскошью сидеть в ванной комнате, чтобы меня никто в ней не тревожил. Обычно я провожу около двух часов утром в ванной за бритьем и душем – мой пунктик из прошлого, однако в ванной мне также лучше думается и там мне приходят в голову свежие мысли.

Playboy. Были ли Ваши родители вовлечены в политику?

Аллинский. В то время многие евреи участвовали в новом социалистическом движении, однако мои родители не были вовлечены в него. Они были строгими ортодоксами, их жизнь вращалась вокруг работы и синагоги. Их отношение к жизни было очень ограниченным. Я помню, что самым главным для меня они считали учебу, и худшее, что они могли себе представить, это что я плохо успеваю в ешиве и что я вырасту *a goyischer kop* (с мозгами *гой*). Когда я пошел в школу, то был очень удивлен, обнаружив, что среди *гоев* есть очень много умных ребят, ведь меня с детства учили, что они тупы и неразвиты. Этот вид шовинизма так же вреден, как антисемитизм.

Playboy. Приходилось ли Вам лично страдать от антисемитизма в детстве?

Аллинский. Лично мне не приходилось, однако я знал о его существовании. Он был вокруг нас, как воздух. Он был настолько вездесущим, что об этом не надо было думать, а только принять как жизненный факт. Самая большая вражда у нас была с поляками. В 1918–1919 гг., когда я был подростком, у нас шла регулярная война с ними. Между нашими районами была невидимая граница, и если еврейская девушка переходила эту границу, ее могли изнасиловать прямо на улице. Время от времени наше противостояние переходило в полномасштабные военные действия. Я помню, как сотни поляков приходили громить наш район, и мы забирались на крыши, вооруженные кирпичами, кастрюлями с кипятком и рогатками, совсем как в Средние века. В какой-то момент появлялись полицейские на конях и в полицейских машинах и разнимали нас. Полицейские были из ирландцев, и они одинаково ненавидели обе воюющие стороны, так что полякам и евреям от них доставалось одинаково. Вот так работал «плавильный котел». Сегодня в Чикаго больше нет такой вражды: итальянцы, поляки, евреи и ирландцы помирились и объединились против черных. Однако в те дни этнические группы воевали друг против друга.

Помню один случай. Мне было, наверное, лет десять или одиннадцать. Моего друга побил поляки. Мы собрались большой группой, двинули на польскую территорию и здорово их избили, пока полицейские нас не растащили. Они взяли нас в участок и сообщили нашим матерям, те были вне себя. Моя мать забрала меня, крича, что я опозорил нашу семью. Когда мы покинули полицейский участок, она отвела меня к раввину, который отчитал меня за этот проступок. Однако я твердо стоял на своем. Я сказал: «Они избили нас, и это по-американски – дать сдачи. А кроме того, в Ветхом завете сказано: “Око за око, зуб за зуб”. Поэтому мы их здорово побил. Так поступают все». Раввин с минуту смотрел на меня и затем тихо сказал: «Ты думаешь, что ты – мужчина, потому что поступаешь, как все. Однако я хочу тебе сказать, что великий раввин Хилел сказал: “Где нету

мужчин, будь мужчиной”. Я хочу, чтобы ты помнил это». И я запомнил эти слова навсегда.

Playboy. Били ли Вы польских подростков после этого?

Алинский. Нет, урок раввина мне запомнился. Я даже не рассказываю польских анекдотов.

Playboy. Были ли Вы религиозным евреем в детстве?

Алинский. Скорее всего был – лет до 12. Я был религиозно образован и всерьез увлечен. Однако в какой-то момент я испугался, что мои родители сделают из меня раввина, и после этого я «прошел через абстинентный синдром» и завязал с религией. Теперь я – один из основателей организации «Анонимные верующие»¹⁴. Однако я скажу Вам одну вещь о моей религиозной идентичности: когда меня спрашивают о моей религии, я всегда отвечал и буду отвечать – еврей.

Playboy. Приходилось ли Вам бунтовать в других, нежели религия, областях?

Алинский. Да, я начал воевать с системой с семи-восьми лет. Я был ребенком, которому в голову бы не пришло ходить по газону – за исключением случаев, когда я видел табличку «По газону не ходить». В этом случае из противоречия я нарочно топал по нему. Я помню, когда мне было лет 10 или 11, раввин, который учил меня ивриту, давал мне задание читать Тору¹⁵ и потом проверял меня, задавая вопросы. Однажды я прочел ему три страницы подряд без ошибок в произношении, и вдруг на книгу сверху упал цент. Я взглянул на раввина, и он сказал мне, что это Бог награждал меня за успехи. Черт! Я был поражен! Весь этот день и всю ночь я думал об этом. Я не мог заснуть от возбуждения и прокручивал в уме все возможные объяснения. На следующий день раввин приказал мне продолжить чтение, но я отказался. Я просто стоял и молчал. Он спросил меня, почему я молчу, и я сказал: «В этот раз либо 10 центов, либо ничего». Он размахнулся и ударил меня. Я пролетел через всю комнату и приземлился в ее углу. Раввин стал проклинать меня вплоть до четвертого поколения: я восстал против Бога! Однако ничего не случилось, небеса не разверзлись, и гром не грянул. Ровно ничего не произошло, только фанатичный раввин был на грани апоплексического удара.

С моей стороны это было не столько вызовом, сколько актом любопытства, которое только выглядело как вызов. Мой отец, к примеру, был весьма строгим, и я не раз был им нещадно порот с неизбежным финалом: «Если ты еще раз это сделаешь, ты знаешь, что будет дальше». Я только склонял голову, шмыгая носом, и тут же исчезал. Но однажды, когда он

¹⁴ Организация людей, которые пытаются «завязать» с религией, по аналогии с известной организацией «Анонимные алкоголики» (прим. переводчика).

¹⁵ В оригинале – Old Testament (Ветхий завет); это скорее всего ошибка интервьюера.

опять начал меня наказывать, размахивая своим ремнем для заточки бритвы, и повторил: «Ты знаешь, что будет с тобой, если ты опять это сделаешь?», я спросил сквозь слезы: «Ну и что же случится?». Он открыл рот и не знал, что сказать. Он был абсолютно не готов к ответу. Я извлек для себя урок: власть – это не то, чем истеблишмент обладает на самом деле, а то, чем он обладает *по твоему мнению*¹⁶.

Playboy. Психолог мог бы заключить, что Ваша последующая карьера радикала была вызвана скорее ненавистью к отцу, чем оппозицией к истеблишменту.

Алинский. Салонная психиатрия не является моим хобби. В любом случае не думаю, что я когда-нибудь ненавидел моего старика; я его, по сути, не знал, а то, что я знал, не вызывало во мне интереса. Это чувство, похоже, было взаимным. Я помню, что когда я закончил колледж (на пике Депрессии), меня от полного голода отделяло только четыре доллара в кармане, а моя мать была так бедна, что я не хотел добавлять ей новые проблемы. В отчаянии я послал заказное письмо моему отцу, прося его помочь мне. Я получил подтверждение в получении письма, но не получил ничего от него в ответ. Он умер в 1950 г. или 1951 г. и, как я слышал, оставил наследство в размере 140 тысяч долларов. Большую его часть он завещал в пользу одного из садов в Израиле и детям от предыдущего брака. Мне он оставил ровно 50 долларов.

Playboy. Были ли Вы в той же мере далеки и от своей матери?

Алинский. О нет, мы с ней весьма близки. Моя мама – очень хороший человек, она жива и полна сил. Она говорит больше на идише, чем на английском, но она собирает все вырезки обо мне, и хотя не вполне понимает, *что* я делаю, всегда торжествует, когда я оказываюсь в центре внимания. Мол, «мой сын – революционер». Мне 63 года, но ее первые слова, когда я звоню ей, таковы: «Ты надел галоши? Тепло ли ты одет? Регулярно ли ты ешь?». Как истинно еврейская мама, она начинает с того, чем другие еврейские мамы заканчивают. Для других людей я профессиональный радикал; моей маме важно, что у меня *есть профессия*. Все, что я сделал после того, как получил высшее образование, для нее уже не так важно.

Playboy. Были ли Вы политически активны в колледже?

Алинский. В организационном смысле – нет, не был. Я поступил в Чикагский университет в 1926 г. Подозреваю, что я уже тогда был инстинктивным мятежником. Так, например, я навлек на себя неприятности, возглавив борьбу против обязательного посещения церкви, однако в то время это был лишь протест против авторитета. В первые годы в колледже у меня не было развитого социального мировоззрения. В эти годы затишья

¹⁶ Позднее Алинский сформулировал это изречение как одно из правил радикала (прим. переводчика).

перед Депрессией было очень легко находиться в приятном заблуждении, что мы живем в лучшем из миров. Но к третьему курсу я начал видеть мелькание «голового зада императора». К этому времени я уже прослушал много курсов по социологии и был поражен, как много чепухи в них говорилось о нищете и трущобах. Они преуменьшали страдания и лишения, наводя лоск на несчастья и отчаяние. Ведь я жил в трущобах и мог увидеть подлинную реальность сквозь их самодовольный академический жаргон. Именно в этот момент у меня возникло глубокое подозрение насчет академических ученых в целом и социологов в частности, за некоторыми исключениями.

Джимми Фарелл¹⁷ как-то сказал, что социологическое отделение Чикагского университета представляет из себя заведение, которое выделит 100 тысяч долларов на исследование, чтобы выявить расположение публичных домов, тогда как любой водитель такси сделает это бесплатно. В общем, я понял, как далеки замкнутые в себе социальные науки от реалий ежедневной жизни, особенно от тех людей, кто живет в нужде, и в том числе потому, что племя чиновников от науки, считающих людей по головам, имеет неограниченное влияние на так называемые программы борьбы с бедностью. Просить социологов решить проблему бедности — это как прописывать слабительное при поносе.

Playboy. Была ли социология Вашей специализацией в колледже?

Алинский. Боже упаси, я специализировался в археологии — предмете, который и до сих пор меня интересует. Я действительно любил и люблю это науку.

Playboy. Вы собирались стать профессиональным археологом?

Алинский. Да, в течение какого-то времени. Но когда я закончил колледж, Депрессия была уже в полном разгаре, а спрос на археологов был такой же, как на лошадей и телеги. Все бизнесмены, которые спонсировали полевые работы, были разорены. В любом случае, независимо от того, насколько я любил археологию, она стала бесполезной в те дни. Я начал активно вникать в социальные вопросы на последнем курсе колледжа, поскольку мы с товарищами взяли обязательство перед горняками южного Иллинойса, которые начали отчаянную забастовку, потому что эти ребята голодали. Мы собрали продукты и вещи, наняли грузовики и поехали туда помогать им.

Playboy. В это время Вы уже стали заниматься радикальной политикой?

Алинский. Да, в это время я стал радикалом (или осознал, что всегда им был) и начал в этом качестве делать что-то конкретное. Но я не рассма-

¹⁷ Существует несколько знаменитых людей с именем Jimmy Farrell. Скорее всего, Алинский имеет в виду американского писателя социалистической ориентации. Годы его жизни — 1904–1979 (прим. переводчика).

тривал это как профессию – я продолжал учиться, и думаю, что многие из моих идей по поводу того, что я могу и должен делать, были очень расплывчатыми, как и у большинства людей в то хаотичное время.

Playboy. Что Вы делали после окончания колледжа?

Алинский. Я голодал. Те небольшие деньги, что были у моей матери, пропали во время обвала на бирже, и, как я уже сказал, мой отец не поддерживал меня финансово. Я влачил жалкое существование, делая случайные работы в университете за 10 центов в час. Я полагаю, я мог бы получить некоторую поддержку через государственные программы, но – вы будете смеяться – я не мог себя заставить это сделать. Я скорее ограбил бы банк, чем принял подачку. В любом случае жизнь была тяжелая, и я опустился на самое дно. Я помню, как однажды сидел в каком-то задрипанном кафетерии и говорил себе: Вот он я, умник, закончил с отличием колледж и все такое, но я не могу не только нормально заработать, но даже прокормить себя. Что будет дальше? И тут ко мне пришла идея, как если бы в голове вспыхнула лампочка.

Я пересел за другой стол, поближе к кассиру, и обменялся с ней несколькими словами, затем выпил кофе и подошел к ней расплатиться. «Вот досада, прошу прощения, – сказал я, – я, кажется, потерял мой кассовый чек». Она видела, что я выпил только чашку кофе, и поэтому сказала: «Ничего, вы должны только 5 центов». Я заплатил и вышел, оставив неиспользованный чек на 5 центов в кармане, через несколько кварталов зашел в другой кафетерий той же самой сети, заказал много блюд на доллар и сорок пять центов и, поверь мне, на эту сумму я мог съесть практически все, что там было. Я сел подальше от кассира, все съел, затем подменил чеки, оплатил мой чек на 5 центов из предыдущего места и ушел. С этой поры мои проблемы с едой были решены.

Однако затем я решил подключить к этой операции других студентов. Я вывесил на доске объявлений большой текст, в котором пригласил всех голодных на встречу. Некоторые из них подумали, что это розыгрыш, однако я встал на кафедру и объяснил мою систему в деталях с помощью карты Чикаго, на которой были отмечены все точки этой сети кафетериев. Социальная экология! Я распределил моих компаньонов по группам с привязкой к разным секторам Чикаго; одна группа отправляется на южную сторону на ланч, другая на северную сторону на обед и так далее. Мы усовершенствовали нашу систему с научной точностью и последующие шесть месяцев ели бесплатно. Затем эти ублюдки из сети кафетериев ввели новые машины, выдающие клиентам при входе талончики, которые годились только для каждой отдельной точки питания. Это был удар под дых. Мы стали первыми жертвами автоматизации.

Playboy. Были ли у Вас моральные терзания по поводу обирания кафетериев?

Алинский. О, конечно, я потерял покой и сон, непрерывно думал об этом, меня раздирали противоречия и мучало чувство вины... Вы шутите? Я бы стал оправдываться, если бы украл бутылку джина из винного магазина, чтобы иметь мартини к обеду, но когда речь идет о голоде, все подходит. У человеческих прав разная приоритетность, и право на еду стоит выше права на получение дохода. И на всякий случай: если у вас зародились какие-либо идеи, за давностью лет это преступление уже не подлежит наказанию.

Однако эта история интересна тем, что это было мое первое выступление в качестве организатора, и я извлек из него некоторый опыт. Когда кафетерии обхитрили нас, группа ребят, которую я организовал, пришла ко мне с вопросом: «Хорошо, Сол, а что мы будем делать дальше?». Когда я сказал, что у меня нет других идей, они на меня серьезно обиделись. В этот момент я понял значение старого изречения: «Затянувшееся одолжение воспринимается его получателями как их право».

Playboy. Продолжили ли Вы свои преступные действия?

Алинский. Преступление? Это не было преступлением – это была борьба за выживание. Однако мои приключения в стиле Робин Гуда быстро закончились: я получил самую высокую стипендию для продолжения образования в магистратуре по специальности «Криминология». Эта стипендия покрывала обучение, проживание и еду. Я до сих пор не знаю, почему я ее получил; может быть, потому, что я не прослушал ни одного курса по этому предмету и ничего не знал о нем. Однако это было время Депрессии, и я чувствовал, что кто-то вытянул для меня счастливый билет и спас мою жизнь. Черт возьми, если бы эта стипендия была бы в области химчистки, я бы все равно взял ее. Как бы то ни было, я скоро выяснил, что криминология была так же далека от понимания реальных причин преступлений, как социология от реального общества, поэтому я решил сделать свою докторскую диссертацию о мафии Ала Капоне методом включенного наблюдения.

Playboy. Как Капоне отреагировал на Вашу идею?

Алинский. Вначале они приняли меня довольно холодно. Я пришел в штаб-квартиру банды в старом Лексингтон-отеле и начал вертеться в лобби и ресторане. Я заметил одного бандита, чью фотографию я видел в газете, подошел к нему и сказал: «Меня зовут Алинский, я изучаю криминологию, не возражаете ли вы, если я буду пастись рядом с вами?» Он взглянул на меня и сказал: «Убирайся, панк». Так повторилось несколько раз, и мне стало казаться, что у меня ничего не получится. В одну ночь я сидел в ресторане, за соседним столиком сидел Большой Эд Стэп, профессии-

ональный убийца, который служил киллером в банде Капоне. Он шел с группой своих приятелей. В какой-то момент он сказал: «Эй, рассказывали я вам историю, когда я подхватил эту рыжую в Детройте?» Его прервал хор голосов: «Господи, мы уже знаем эту историю, неужели мы должны слушать ее опять?» Стэш изменился в лице; бандиты вообще очень ранимы и чувствительны. Я наклонился и подергал его за рукав: «Мистер Стэш, я хотел бы послушать эту историю». Его лицо осветилось: «Действительно, парень?» Он хлопнул меня по плечу: «Пододвигай свой стул. В общем, эта девка...». Так началось мое знакомство с бандой.

Большой Эд получил в моем лице заинтересованную аудиторию, и мы стали приятелями. Он представил меня Фрэнку Нитти, который, как известно, был «лейтенантом» Капоне, человеком номер два в его банде. Фактически он контролировал всю банду, так как к этому моменту Ал Капоне был обвинен в неуплате налогов и сидел в тюрьме. Нитти взял меня под свое крыло. Я называл его «профессором», а сам стал его студентом. Ребята Нитти брали меня с собой повсюду, показывали мне все операции своей банды – от пивных и борделей до букмекеров, которых они только начали прибираться к рукам. В течение нескольких месяцев я узнал все операции банды Капоне в деталях.

Playboy. Почему профессиональные бандиты стали делиться секретами с чужаком?

Аллинский. А почему нет? Какой вред я мог им нанести? Даже если бы я рассказал обо всем, что узнал, никто не стал бы меня слушать. Они туго повязали весь Чикаго; они фактически владели всем городом, включая полицейских и мэра. Забудьте всю чушь об Элиоте Нессе¹⁸ – единственной реальной оппозицией банде гангстеров могут быть только другие гангстеры. Федеральное правительство может попытаться прищучить их с помощью налоговых приговоров, однако оно не могло уменьшить их власти внутри Чикаго. Капоне сам был частью истеблишмента. Когда одного из его ребят уколошили, в городе не проходило ни одного заседания суда, так как все судьи были на похоронах; более того, некоторые из них несли гроб с убитым. Поэтому они не боялись какого-то студента и смотрели на меня как на талисман. Они никогда не старались скрыть что-либо от меня; я был их единственным студентом, и они с готовностью учили меня. Это льстило их самолюбию.

Однажды, когда я просматривал их учетные записи, я заметил одну из позиций – платеж семь с половиной тысяч долларов наемному убийце из другого города. Я обратился к Нитти с вопросом: «Послушайте, мистер

¹⁸ Ness Elliot (1903–1957) – руководитель группы агентов программы по борьбе с бутлегерством в Чикаго, которая помогла налоговому ведомству собрать улики для осуждения Ала Капоне (прим. переводчика).

Нитти, я этого не понимаю. У вас в штате есть как минимум 20 убийц, почему вы транжирите столько денег на кого-то из Сент-Луиса?» Фрэнк был поражен моим невежеством. «Послушай, малыш, – сказал он терпеливо, – иногда наши ребята могут знать лично человека, которого им предстоит убить. Они могли быть приглашены на обед в его дом, могли взять его детей на бейсбол, могли быть дружкой на его свадьбе или выпивать вместе. Но если позвать человека из другого места, все, что нужно сказать ему: “Вот тот человек в темном пальто на перекрестке улиц Стайт и Рэндолф; наш человек укажет на него, пойдти и всади три пули в его живот и растворишься в толпе”. Это работа, и он профессионал, значит, он ее сделает. Но если ее сделает один из наших ребят, будущая жертва увидит, что это его друг; если он нажмет курок, он будет знать, что вдова останется без мужа, дети без отца, похороны, плач... Боже, это будет убийством!» Я думаю, что Фрэнк был несколько разочарован тем, что я усомнился в мудрости его практики, и он, наверное, поразился моей бесчувственности.

Playboy. Чувствуете ли Вы угрызания совести по поводу столь дружеских отношений, если не пособничества, с убийцами?

Алинский. Совершенно нет. Ведь я ничего не мог сделать по поводу убийств, к тому же они по большей части были совершены в отношении членов «семьи». Я был неучаствующим наблюдателем их профессиональной деятельности, хотя и участвовал в их социальной жизни, как, например, еда, выпивки и женщины. О, я с большим удовольствием участвовал в этой стороне их жизни – это был рай. И позволь мне сказать, что я многое узнал от мафии об использовании власти и злоупотреблении властью. Эти уроки сослужили мне большую пользу, когда я начал работу по организации сообществ¹⁹.

Еще одну вещь вы должны понять относительно Капоне: он появился не из вакуума. Мафия Капоне была фактически общественным сервисом; она обеспечивала людей тем, что они хотели и требовали. Человек с улицы хотел женщин, и Капоне давал их ему. Он хотел алкоголь во время запрета на его продажу, и Капоне продавал ему алкоголь. Он хотел делать ставки на бегах, и Капоне организовал тотализатор. Все это действовало в соответствии со старым законом спроса и предложения, и если бы не было людей, которые бы желали их услуг, то у них не было бы бизнеса²⁰. Все владели акциями в мафии Капоне, в некотором смысле он был общественным покровителем. Я помню случай, когда он появился на стадионе на игре по американскому футболу в День бойскаутов, и восемь тысяч бой-

¹⁹ Алинский многократно применял в своей практике методы выкручивания рук, но только не силой, а другими способами принуждения к сотрудничеству (прим. переводчика).

²⁰ Это объяснение довольно далеко от реальной жизни, так как мафия облагала данью и вполне законные бизнесы. Мы уже не говорим, что в нем совершенно отсутствует моральная оценка (прим. переводчика).

скаутов вскочили на ноги и начали скандировать «Да, да, Большой Ал! Да, да, Большой Ал!». Не Капоне создал атмосферу коррупции, он только нажил состояние на ней, как, впрочем, и политические партии, полиция и в целом местная экономика.

Playboy. Как долго Вы были «почетным членом» мафии?

Алинский. Около двух лет. После того как я узнал все об их организации, мне стало скучно, и я решил двинуться дальше – между прочим, это повторяющийся маневр в моей жизни. В той же степени мне наскучила моя докторская программа в университете, поэтому я ее тоже бросил и получил должность в отделении криминологии штата Иллинойс, чтобы работать с подростками-правонарушителями. Это привело меня в другой исследовательский проект – исследование банды итальянских подростков, которые называли себя «бандой 42». Она была ответственна за почти 80 % угонов автомобилей и постепенно начала заниматься на стороне крупным рэкетом. С ними было еще труднее сойтись, чем с бандой Капоне, поверь мне. Они были крутыми и недоверчивыми ребятами с непредсказуемым темпераментом. После того как я закончил работать с «бандой 42», я ушел из отделения криминологии штата и пошел работать криминологом в тюрьму в Джолиет, но к этому времени мне надоела эта профессия и я искал что-то другое.

Playboy. Почему Вам стало скучно в этот раз?

Алинский. По многим причинам. Во-первых, большинство людей, с которыми я работал: другие криминологи, надзиратели, офицеры по условно-досрочному освобождению – были равнодушны, целиком «обезболены». Боже, я никогда не встречал в моей жизни такую коллекцию идиотов. Я начал думать, что все это направление работ было сборищем для душевнобольных. По-человечески я был возмущен брутальностью, отсутствием человеческого подхода, институциональной жестокостью тюремной системы. И видел, что это может случиться и со мной, что было для меня главной мотивацией для скорейшего ухода. Когда я только пришел в Джолиет, я был полон неподдельного личного интереса к заключенным, которых я интервьюировал. Я был включен в их проблемы, стрался помочь им. Однако опасность работы внутри института, любого института, состоит в том, что ты сам становишься «институционализирован». Два года спустя, после двух тысяч интервью, я разговаривал с подростком – и больше не интересовался им. Я постепенно становился толстокожим; он был больше не интересен мне как человек. Он был просто заключенным номер 1607. Когда я понял, что со мной происходит, я больше не мог заниматься этим.

Playboy. Агитировали ли Вы за тюремную реформу, когда работали в Джолиет?

Алинский. Я мало что мог сделать, так как в качестве государственного криминолога я не был напрямую включен в администрацию тюрьмы. О, я произнес много речей, говоря людям, что система не работает, что реабилитация – это насмешка, что наша тюрьма хуже, чем в XIV веке; они с энтузиазмом аплодировали мне и с облегченной душой шли домой. Все это было бесполезно. Эти речи только создали мне репутацию возмутителя спокойствия. Вы знаете, что эксперты и учебники в области криминологии единодушно признают, что причины преступного поведения кроются в социальных условиях, таких как плохое жилье, расовая дискриминация, экономическая незащищенность и т. п. Но если ты предложишь что-то сделать, чтобы искоренить эти причины, вместо того чтобы изолировать преступников от общества, тебя рассматривают как своего рода ненормального. Несколько раз мои боссы отзывали меня в сторону и говорили: «Послушай, Сол, не говори так. Люди будут думать, что ты красный или вроде того». В конце концов я покинул Джолитет и поступил на работу в Институт подростковых исследований – одно из заведений, где изучают причины подросткового криминального поведения, делая опросы подростков в многоквартирных домах, где есть только холодная вода, где крысы грызут их пальцы на ногах и где детям нечего есть, а затем предлагают решения: походы с ночевками и еще всякую чушь, которую они называют развитием характера. Честно говоря, я рассматривал эту должность как синекуру, которая оставляла мне время для более важной работы.

Playboy. Для какой именно?

Алинский. Для политических движений, которые имели большое значение в те дни: борьбы с фашизмом дома и за границей, работы по улучшению жизни огромного числа безработных, у которых не было еды и надежды найти работу. Я тратил все свободное время на сбор средств для интернациональной бригады в гражданской войне в Испании и для американских южных фермеров-издольщиков, на организацию гильдии газетных журналистов и других неоперившихся профсоюзов; на борьбу против выселения людей из трущоб, за которые они не могли заплатить; на агитацию за строительство домов для бедноты, что тогда рассматривалось как подрывная идея. В это время я начал работать с Конгрессом производственных организаций. Вы знаете, многие молодые люди сегодня находят скучными рассказы их родителей, которые прошли через Депрессию. Может быть, они и правы, потому что часто это служит оправданием для ничегонеделания сегодня. Видит Бог, слишком много людей, которые были радикалами в тридцатых, теперь превратились в штрейкбрехеров из-за страха перед маккартизмом в пятидесятых, или из-за кооптации в систему, или просто потому, что их политические артерии окостенели. Но из

этого времени может быть извлечено много уроков, которые могут пригодиться и сегодня.

Playboy. Как близко страна была к революции во время Депрессии?

Аллинский. Намного ближе, чем обычно думают. Реформы Рузвельта спасли систему от самой себя и предотвратили полную катастрофу. Надо напомнить, что канули в прорву не только деньги людей, но и целиком их система ценностей. Американцы привыкли восхищаться своим обществом как перевалочным пунктом с земли в рай, с его ценностями упорного труда и бережливости как гарантии безопасности, успеха и процветания. И вдруг в течение нескольких дней билеты в рай были отменены без возврата их стоимости, и все перевернулось вверх дном. За одну ночь американская мечта превратилась в кошмар для подавляющего числа американцев и прекрасный мир с многообещающим концом вдруг подкрался и накрыл их с головой. Их сбережения испарились за закрытыми дверями обанкротившихся банков, их работа исчезла за закрытыми воротами фабрик, а их дома и фермы были отобраны у них из-за невыплаченных ипотек. Немедленно дымовые трубы фабрик стали безжизненными и холодными, машины остановлены и холод повис над страной.

Люди старались обмануть себя и говорили: «Это только сон, мы проснемся и увидим солнечный свет двадцатых снова в наших домах и на наших работах, с пыленком в каждом котле и с двумя автомобилями в гараже». Однако, когда они открыли свои глаза, их обступила реальность нищеты и безнадежности, реальность, которой они никогда не ждали, которой они не заслуживали. Ведь они работали не покладая рук, откладывали на черный день и ходили в церковь каждое воскресенье. О, конечно, говорили они себе, бедность существует, но где-то далеко от нас, в темных уголках нашего общества. Она угрожает черным и людям со смешными иностранными именами, тем, кто не умеет говорить по-английски, но это не может случиться с нами, с божьими людьми. Но темнота не только не ушла, она еще более стусилась. Сначала люди онемели и отдались отчаянию, но постепенно они начали приглядываться к новому и страшному миру, в котором они оказались, и стали пересматривать свои ценности и приоритеты.

Нас учили в школе и с амвона, что бедные будут всегда, потому что всегда будет сколько-то не приспособленных к жизни людей, неудачников, дураков или лентяев. Но чтобы мы все оказались идиотами, или бездеятельными, или некомпетентными? Новое настроение стало закипать в стране, и общее несчастье стало постепенно разъедать традиционные ценности здорового индивидуализма, бескомпромиссной конкуренции и лицемерной филантропии. Люди начали искать что-то, на что они могли бы опереться, и они нашли друг друга. Мы неожиданно обнаружили, что

беспощадный закон выживания наиболее приспособленных больше не работает, что другие люди могут принимать участие в наших проблемах, а мы можем помочь им в их проблемах. Что-то похожее возникло в Лондоне во время налетов авиации во время Второй мировой войны, когда социальные барьеры были сломлены перед лицом общего несчастья.

В тот момент в Америке стали слышны новые голоса и возникать новые ценности. Люди начали цитировать Джона Донна²¹: «Нет человека, который был бы как остров». Они обнаружили, как много общего у них есть с другими людьми, и стали объединяться, чтобы улучшить свою жизнь. В первый раз после движения за отмену рабства между черными и белыми возникло действительное единство, когда представители обеих рас сошлись вместе, чтобы противостоять угрозе безработицы и снижения заработной платы. Это был один из наиболее важных аспектов тридцатых годов: не просто политическая борьба и реформы, но и внезапное осознание общей судьбы и человеческих связей между миллионами людей. Наблюдение за этим процессом, и тем более участие в нем, – волнующий и воодушевляющий опыт.

Playboy. Ваши слова звучат несколько ностальгически.

Алинский. Да, это было замечательное время! Но, черт возьми, и очень жестокое. Когда люди жалуются мне на насилие и беспорядок в сегодняшней Америке, я советую им взглянуть повнимательнее на тридцатые. Мы были свидетелями того, как тысячи американских ветеранов, которые просили от государства продовольственной помощи и которые объединились в лагерях вдоль реки Анакостия, были разогнаны военными штыками. Другим примером может служить побоище в День поминовения в Чикаго, когда дюжины мирных пикетчиков были расстреляны в спину²².

Те, кто сохранили работу, нанимались и увольнялись по произволу работодателей и работали в качестве придатков к механическим конвейерам. Им не полагалось ни пенсии от предприятия, ни пособий по безработице, ни государственной пенсионной программы, ни медицинской программы после вступления в пенсионный возраст – словом, ничего, что бы обеспечивало минимальную защиту рабочего. Когда радикалы словами и делами во-

²¹ John Donne (1572–1631) – английский поэт и священник. «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши, и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе (прим. переводчика).

²² Версия Алинского оспаривается другими источниками. Демонстрация была приурочена к забастовке сталелитейщиков; она не была вполне мирной, так как ее участники были вооружены кто чем мог. Согласно другим источникам, десять, а не дюжины, как у Алинского, неизвестных участников демонстрации были расстреляны полицией 30 мая 1937 г. в Чикаго (прим. переводчика).

свали с такими бесчеловечными условиями найма, их преследовала местная полиция, а также Федеральное бюро расследований, возглавляемое Гувером. Он в те давние дни был уже охвачен паранойей, а Комитет по антиамериканской деятельности в Вашингтоне истерично преупреждал об опасности большевистских орд. Как только забастовки и общественные беспорядки распространились по всей стране, начались призывы к восстановлению закона и порядка. Да, добрые старые времена, разумеется. Черт подери! Страна была поляризована и ожесточена гораздо больше, чем сегодня.

Playboy. Когда Вы целиком погрузились в радикальное движение?

Аллинский. Примерно в 1938 г. Я держался за свою работу в Институте подростковых исследований так долго, как мог, прилагая минимум усилий, однако политическая борьба все больше и больше увлекала меня. К тому же в отличие от многих людей, с которыми я сотрудничал, я одновременно находился в двух лагерях, и если ситуация становилась чересчур опасной, я всегда имел теплое местечко, где мог ее переждать. Это стало тяготить меня. Раздражало также, что меня стали называть экспертом в области криминологии: газеты называли меня лучшим специалистом в этой области, меня приглашали выступать на занюханных конференциях, писать научные работы и тому подобное. Это скорее свидетельствует об убогом состоянии науки криминологии; любой, кто демонстрирует хоть какие-то проблески интеллекта, автоматически становится национальным авторитетом.

Все это донимало меня, и вдобавок мне опять стало очень скучно; я узнал все, что можно было узнать в этой области, и я был готов двинуться в сторону поиска более трудных форм пропитания. Однако я все еще не знал, как зарабатывать на жизнь, поэтому в течение некоторого времени продолжал уговаривать себя: «По крайней мере, в этом месте я честно зарабатываю на жизнь. Если бы я был в бизнесе, то должен был бы подлаживаться под своих клиентов и соглашаться с ними. А здесь я могу открыто выражать свое мнение». Потребовалось некоторое время, чтобы я понял, что единственная разница в этом отношении между наукой и бизнесом — это разница между шляхой за пять долларов и девушкой по вызову за сто долларов.

Решение пришло ко мне, когда мне предложили должность руководителя штатной администрации условного освобождения и испытательных сроков с жалованием 8000 долларов в год и с дополнительными бонусами: чтение лекций в Университете Пенсильвании за 2400 долларов в год и еженедельная колонка в филадельфийской вечерней газете о том, как предупредить детскую преступность. Имей в виду, что десять с лишним тысяч тогда равны тридцати тысячам сегодня²³. Это было решающим

²³ Семьдесят тысяч в 1972 г, или более ста тысяч долларов в 2018 г. (прим. переводчика).

моментом для меня. Я представлял себя в хорошем доме в предместье в двух часах езды от Нью Йорка со всеми его театрами и концертами, с деньгами в банке, автомобилем и другими удовольствиями. И я уже слышал, как говорю себе: «Ты лучше не рискуй и не порть ситуацию. В конце концов, ты принесешь больше пользы, работая со студентами, чем если включишься в борьбу. Ты можешь писать речи или статьи и вставлять свои мысли между строк или в примечаниях, и тем самым иметь реальное влияние». Или: «Это даст мне финансовую свободу для более эффективного участия в движении».

Бред собачий. Как только твоя жизнь становится сытой и комфортной, как только ты достигаешь вершин, тебе хочется остаться там. Ты попадаешь в тюрьму собственной «свободы». Я видел много тощих и голодных профсоюзных лидеров тридцатых годов, которые позже нарастили себе жир в животах и головах. В общем, я отказался от этой работы и посвятил все свое время радикальному движению.

Playboy. Каков был Ваш первый опыт в организации людей?

Алинский. Моим первым опытом, когда я работал один, была организация людей на территории, прилегающей к заводам по разделке и упаковке мяса²⁴ в Чикаго (знаменитым Чикагским бойням – прим. переводчика), одной из наиболее запущенных трущоб страны. Мне помогло то, что в Конгрессе производственных организаций я работал напрямую с его лидером Джоном Л. Льюисом; позже я был посредником между ним и президентом Ф.Д. Рузвельтом, когда их политический альянс зашатался. Мы стали друзьями с Льюисом, и я многому научился от него. Однако я всегда чувствовал, что мой собственный путь лежит вне рабочего движения. Я хотел попытаться использовать организационные тактики, в которых я поднаторел в Конгрессе, в работе с людьми в гетто и трущобах, чтобы наиболее угнетенные и эксплуатируемые в стране люди могли взять контроль над своими общинами и своей судьбой. До этого времени только некоторые фабрики и заводы соорганизовались, чтобы изменить ситуацию, однако этого никогда не случалось по месту жительства. Это направление я и выбрал для себя – организация соседских общин для приобретения власти на своей территории во имя радикальных целей.

Playboy. Почему в качестве первой цели Вы выбрали Задворки?

Алинский. Этот район привлек меня по нескольким причинам. Эптон Синклер описал в книге «Джунгли», каким он был на пороге XX столетия, и за прошедшие тридцать с лишним лет ничего не было сделано для улучшения жизненных условий в нем. Этот район был хуже всех известных трущоб в Америке. Люди – как безработные, так и получающие жалование ниже прожиточного уровня – были сломлены и деморализирова-

²⁴ Район назывался The Back of the Yards area (прим. переводчика).

ны, больны, жили в антисанитарных условиях, в неотапливаемых лачугах, с минимумом одежды и еды, недостаточным даже для выживания. Это был отстойник ненависти: поляки, словаки, немцы, черные, мексиканцы и литовцы ненавидели друг друга и все вместе ненавидели ирландцев, которые отвечали им взаимностью в еще в большей степени.

Местные фашистские группы, такие как Немецко-американский бунд, Национальный союз отца Кафлина (Coughlin) и «Серебряные рубашки Вильяма Дадли Пелли» (William Dudley Pelley), работали на этой территории, используя недовольство и вербуя там новых членов. Не потому, что людям был симпатичен фашизм, – они просто от отчаяния хватались за все, что давало им хоть проблеск надежды. Кафлин и Пелли предлагали им наглядных козлов отпущения в виде евреев или «международных банкиров». Но я знал, что если предложить им реальную, позитивную программу изменения кошмарных условий их жизни, им не нужны будут козлы отпущения. Кроме того, если удастся изменить жизнь к лучшему в этом районе, то это удастся в любом другом.

Люди говорили мне: «Сол, ты сошел с ума. Любое место, только не Задворки. Это невозможно, у тебя ничего не получится». Вы должны помнить, что для большинства людей в те дни сама идея, что бедняки имеют достаточно ума и предприимчивости, чтобы решить их собственные проблемы, была ересью, даже многие радикалы были крайне элитарны и неискренни в своей практике. Чем больше мне говорили, что это невозможно, тем больше я укреплялся в своем желании двигаться вперед по своим планам.

Playboy. Каков был Ваш подход к организации такого сообщества, как Задворки?

Алинский. Мой первый шаг, и затем я обычно с него и начинал, был таким: войти в это сообщество как наблюдатель. Говорить с людьми, слушать их жалобы, чтобы узнать их настроения и установки. Затем я старался понять, с чем мне придется работать, какие рычаги у меня есть, чтобы открыть закрытые двери, какие из существующих институтов и организаций могут быть полезны в моей работе. На территории Задворок практически все были католиками, и я понял, что если мне удастся заручиться поддержкой церкви, то у нас может что-то получиться. И наоборот, без участия церкви (или, по крайней мере, части ее) все становилось маловероятным и нам бы не удалось сделать заметных изменений.

Playboy. Но ведь католическая церковь была консервативной в то время, не так ли?

Алинский. На национальном уровне она безусловно была консервативна. Однако в Чикаго в те дни была особая ситуация: местная епархия под руководством кардинала Манделина (Mundelein) и епископа Бернарда

Шейла (Sheil) была самой прогрессивной в стране. Шейл был замечательным человеком, либеральным и симпатизирующим рабочим. Он одобрял то, что я хотел делать на Задворках, однако главным было привлечь на свою сторону местных священников. Некоторые из них были очень консервативны.

Один из кардинальных принципов моей работы состоит в том, чтобы не апеллировать к принципам людей, к их ценностям, как это делают многие лидеры движения за гражданские права. Допустим, я зашел бы в офис какого-нибудь религиозного лидера любой конфессии и стал бы говорить: «Послушайте, я призываю вас жить по христианским принципам, претворить слова Христа о братской любви и социальной справедливости в реальность». Что, ты думаешь, произойдет? Он тепло пожмет мою руку и скажет: «Благослови тебя Бог, сын мой», а после того как я уйду, скажет своему секретарю: «Если этот сумасшедший придет опять, скажи ему, что меня нет».

Поэтому, чтобы вовлечь католических священников в наш план, я ничего не говорил о христианской этике, я апеллировал только к их собственным интересам. Я начал наш разговор так: «Послушайте, вы призываете людей держаться подальше от профсоюзов и коммунистов, правильно? – Он кивнул. – И что они делают? Они говорят: “Да, отец”, а сами выходят из церкви и идут вступать в профсоюз. Почему? Потому, что это их хлеб с маслом, потому что профсоюз делает что-то, как-то решает их проблемы, в то время как вы сидите в своей ризнице и ждете неизвестно чего». Это их задело, и это как раз то, что я хотел. Потом я добавил: «Если вы и дальше будете дистанцироваться от своей паствы, вы отвратите их от вашей церкви и сами толкнете их в руки красных. Ваш единственный выход – действовать первыми, побить коммунистов в их собственной игре, показать людям, что вы больше заботитесь об их жизненных условиях, чем о повышении церковных сборов. И вы не только вернете их, поддерживая их борьбу; когда они выиграют ее и станут более зажиточными, вы увидите, что пожертвования вашей церкви вырастут и ее благосостояние увеличится». То есть я говорю с ними на их языке, и мы можем сесть и заключить сделку. Это и случилось на Задворках; в течение нескольких месяцев подавляющее большинство священников поддерживало нас, и мы проводили собрания в их церквях. Чтобы победить врагов, ты должен прежде соблазнить и привлечь своих союзников.

Playboy. Как Вам удалось получить поддержку всего сообщества?

Алинский. Первым шагом было переманить на нашу сторону священников – тем самым мы, с точки зрения жителей района, получили одобрение и поддержку от правильной стороны. Но мы должны были убедить их, что сможем добиться того, что обещали, что мы не просто еще одно из тех

социальных агентств, которые сильны в обещаниях, но слабы в действиях. Однако самыми большими препятствиями на нашем пути были апатия, отчаяние и безнадежность большинства обитателей трущоб. Вы должны помнить, что люди, которые видят полную и сокрушающую несправедливость, редко восстают против нее, они просто сдаются. Малый процент этих людей ломается и кончает жизнь самоубийством, остальные говорят: «Конечно, это плохо, но что мы можем сделать? Вы не можете воевать с городской властью. Это поганый мир для всех, но кто знает, может быть, я вытяну счастливый лотерейный билет. И возможно, что кому-то еще хуже, чем мне».

Первый шаг, который мы должны были сделать в работе с сообществом, состоял в том, чтобы преодолеть все оправдания бездействия. Мы говорили людям: «Послушайте, вы не должны примиряться со всем этим безобразием. Вы можете переломить это. Но чтобы что-нибудь изменить, вы должны стать силой, и этого можно достичь, только создав организацию. Сила имеет две формы – это деньги и люди. У вас нет денег, но у вас много людей, и вы все вместе можете сделать многое». И мы показываем рабочим завода по упаковке мяса, как они могут организовать профсоюз и потребовать повышения зарплаты, и мы объясняем местным хозяевам лавок, что их доходы увеличатся, когда зарплаты вырастут, и мы рассказываем людям, снимающим комнаты и квартиры, как они могут воевать против хозяев этих квартир. Очень скоро мы создаем в этом районе широкую коалицию рабочих, местных бизнесменов, профсоюзных лидеров и домохозяек, нашу силу – и мы готовы к началу сражения.

Playboy. Какую тактику Вы использовали?

Алинский. Все тактики, что были нам доступны в те дни: бойкоты магазинов, забастовки на заводе, забастовки квартиросъемщиков против хозяев трущобных домов, пикетирование бизнесов, которые эксплуатируют рабочих, сидячие забастовки в здании городской администрации и в офисах коррумпированных местных чиновников. Мы стравливали политиков между собой, разбивая их смычку, и затем раскалывали их поодиночке. Вначале истеблишмент презрительно отмахивался от нас, однако довольно быстро они забеспокоились, так как увидели, что мы объединены и в этом качестве можем оказывать сильное экономическое и политическое давление. В конце концов они постепенно стали уступать: уменьшать квартирную плату, строить дома для бедных, улучшать муниципальные услуги и школы, выдавать бедным ипотеку и банковские ссуды.

Приведу пример того, как личные отношения играют критическую роль в соорганизации. Главным инструментом нашей борьбы на Задворках было объединение рабочих в профсоюзы, потому что большинство местных жителей работали на упаковочных заводах. Без повышения зар-

плат и улучшения их жилищных условий их жизнь никогда не изменилась бы к лучшему. В то время мясные бароны обращались со своими рабочими как с рабами. Нанятые ими отряды злобных штрейкбрехеров терроризировали тех, кто заикался о создании профсоюза. Один из этих головорезов в самый напряженный момент нашей борьбы обстрелял мой автомобиль. Он промазал – и я тоже, черт возьми, промазал, когда отстреливался. В общем, мы знали, что наш успех или поражение зависели от того, сможем ли мы создать профсоюзы на этих предприятиях. Мы пикетировали, устраивали сидячие забастовки, агитировали, однако отраслевые боссы не отступали. Я сказал: «Мы не можем победить их лобовой атакой, тогда обойдем их с фланга. Давайте припррем к стенке городские банки, которые кредитуют эти предприятия, и заставим их нажать на боссов, чтобы они приняли наши условия». Мы провели целую серию тактических операций против банков, но сначала они заняли неопределенную позицию, а потом образовали единый фронт с хозяевами отрасли и отказались сдать даже вести переговоры.

На тот момент мы не продвинулись ни на шаг в нашей основной борьбе, и я начал волноваться. Я напряг мозги, пытаюсь найти новые способы оказания давления на банки, и в конце концов пришел к нужному решению. В те дни неограниченным правителем Чикаго был его мэр Келли (Kelly), чья политическая машина была намного мощнее сегодняшнего мэра Дали²⁵. Когда Келли звал, все отзывались – от подручных из районных администраций до самых крупных бизнесменов. В то время в стране было четыре города с наиболее мощными политическими машинами – Келли в Чикаго, Пендергаст (Pendergast) в Канзас-сити, Кёрли (Curley) в Бостоне и Хагг (Hague) в Джерси-сити – и эти четверо вместе обладали огромной властью потому, что обеспечивали победу Демократической партии в своих штатах, в которых было неустойчивое соотношение голосов между двумя партиями. Поэтому Рузвельту приходилось считаться с ними, однако они имели такую плохую репутацию, что когда президент встречался с ними, он запускал их через заднее крыльцо Белого дома и вел секретные заседания в комнате для курения. Это было особенно верно в отношении Келли, так как либералы по всей стране ненавидели его за его реакционную антирабочую позицию и его участие в расправе над рабочими в 1937 г.

Келли был курьезным персонажем, смесью противоречий (как, впрочем, каждый из нас). Несмотря на его антирабочую позицию, он искренне восхищался Рузвельтом; более того, он боготворил его, и ничто не доставляло ему большего огорчения, чем то, что его принимали в Белом доме как парию, не приглашали на обеды с президентом, на званые вечера с Элеонорой или публичные события. Келли страшно хотел, чтобы Рузвельт и

²⁵ Richard J Daley – мэр Чикаго в 1955–1976 гг. (прим. переводчика).

его интеллектуальное окружение, его мозговой центр приняли его, считали бы его своим; ему было больно сознавать, что президент считал его второсортным персонажем. Я изучил Келли весьма глубоко и знал, что я не смогу привлечь его внимание к вопросам прав рабочих, однако я мог использовать его ахиллесову пяту для нашей пользы.

Я получил аудиенцию у Келли и начал свой трюк: «Послушайте, мэр, я знаю, что не могу завоевать для вас больше избирателей, чем вы уже имеете, – в те дни они даже не утруждали себя подсчетом голосов, считая бюллетени на вес, и все похороненные на кладбищах принимали участие в выборах мэра, – однако я хочу предложить вам сделку». Келли откровенно скучал, скорее всего спрашивая себя, зачем он согласился принять этого замухрышку-радикала. «Что ты можешь мне предложить, парень?» – спросил он. «Сейчас вы имеете репутацию врага рабочего движения номер один в стране. Но я могу за одну ночь сделать вас либералом. Я обеспечу вам национальную поддержку Конгресса промышленных профсоюзов и публичную поддержку всех других профсоюзов в Чикаго. Я могу организовать выступление на радио двух человек, которые были ранены во время побоища в День поминовения, в котором они будут приветствовать в вашем лице подлинного друга рабочих. В течение сорока восьми часов я превращу вас в чемпиона либерализма, – Келли все еще скучал, – и это сделает вас абсолютно приемлемым для Рузвельта, во всех смыслах, публично и персонально».

Тут он выпрямился в своем кресле и уставился на меня. «Как я могу быть уверен, что ты выполнишь свое обещание?» – спросил он. Я протянул ему листок бумаги. «Вот номер телефона Джона Л. Льюса в Александрии, штат Вирджиния, не указанный в справочнике. Позвоните ему, пока я в вашем офисе, перескажите то, что я сказал вам, и затем спросите, можно ли верить моему слову». Келли расслабился в кресле и спросил: «Чего ты хочешь?». «Я хочу, чтобы вы нажали на хозяев мясоупаковочных предприятий, чтобы они подписали контракт с профсоюзом». Он ответил: «Договорились. Ты получишь свой контракт завтра». Мы действительно получили его, и с тех пор победа на Задворках была обеспечена. Я вышел из этой борьбы с уверенностью, что организационные техники, которые мы использовали там, могут быть успешно применены по всей стране.

Playboy. Оправдалась ли эта Ваша уверенность?

Аллинский. Абсолютно. Наша тактика, конечно, менялась в зависимости от нужд и проблем в каждом отдельном месте, где мы работали, но стратегия всегда была примерно такой, и она приносила успех. Например, центальный принцип всех организационных усилий – это самоопределение: сообщество, с которым мы будем иметь дело, сначала должно захотеть, чтобы мы пришли к нему, а затем, когда мы уже внутри этого сообще-

ства, мы должны настоять, чтобы они определились со своими целями и лидерами. Работа организатора состоит в том, чтобы предоставить техническое ноу-хау, а не навязывать свои желания или установки сообществу; мы там не для того, чтобы руководить ими, но для того, чтобы помочь и научить. Мы хотим, чтобы люди использовали наш опыт и методики, а затем выбросили нас и продолжали делать работу сами. Вот почему я установил для наших организаторов трехлетний лимит времени. Иначе они станут зависеть от нас, и в тот момент, когда мы выйдем из игры, ситуация опять вернется к началу. Это стало нашей стандартной процедурой; мы хоть и внешние агитаторы, но действуем только по приглашению. И никогда не задерживаемся, если мы нежеланны.

* * *

Во второй части интервью Алинский рассказывает о других социальных экспериментах, ошибках и извлеченных уроках, о том, как его опыты по организации общественных движений соотносятся с реформами социальной системы в целом.

Литература

1. *Жезко-Браун П.* Современная американская революция: социальные технологии и динамика. – М.: Новый хронограф, 2018. – 320 с.
2. *Alinsky S.D.* Reveille for radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 236 p.
3. *Alinsky S.D.* Rules for radicals: a pragmatic primer for realistic radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 197 p.
4. *Alinsky S.* A candid conversation with the feisty radical organizer. Playboy interview with Saul Alinsky, March 1972. – New English Review. – 2018. – May. – URL: http://www.newenglishreview.org/DL_Adams/Playboy_Interview_with_Saul_Alinsky/ (accessed: 06.09.2018).

Статья поступила в редакцию 29.06.2018 г.

Статья прошла рецензирование 25.07.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83

“THAT’S MY JOB – TO MAKE PEOPLE START ASKING QUESTIONS AND UNSETTLE THE CURRENT STATE OF THINGS”

Interview with professional rebel Saul Alinsky

Part 1

Abstract

This is a translation of the interview with Saul Alinsky published in *Playboy* in 1972 and reprinted by the *New England Review* May 27, 2018. American professional social organizer, he unilaterally created the new field of social engineering and the new profession of radical-organizer. His two books became handbooks for several generations of organizers. Magazine *Playboy* sent Eric Norden to interview him. “I accompanied him from the East Coast to the West and into Canada, snatching tape sessions on planes, in cars and at airport...”

Keywords: Alinsky, USA, social organizing, community organizing, community organizer, social movements, self-organizing.

Bibliographic description for citation:

Alinsky S. “That’s my job – to make people start asking questions and unsettle the current state of things”: interview with professional rebel Saul Alinsky. Pt. 1. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 52–83. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83.

References

1. Zhezhko-Braun I. *Sovremennaya amerikanskaya revolyutsiya: sotsial’nye tekhnologii i dinamika* [The ongoing American Revolution: Social technologies and dynamics]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2018. 320 p.
2. Alinsky S.D. *Reveille for Radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 236 p.
3. Alinsky S.D. *Rules for Radicals: a pragmatic primer for realistic radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 197 p.
4. Alinsky S.D. A candid conversation with the feisty radical organizer. *Playboy* interview with Saul Alinsky, March 1972. *New English Review*, May 2018. Available at: http://www.newenglishreview.org/DL_Adams/Playboy_Interview_with_Saul_Alinsky/ (accessed 06.09.2018).

The article was received on 29.06.2018.

The article was reviewed on 25.07.2018.